

КОНСТАНТИН ПУЗЫРЕВ

Корсиканский сепаратизм

Национал-регионализм
против «государственной унификации»

Истоки «корсиканской проблемы»

«Единая и неделимая» республика — это понятие, рожденное революцией 1789 года и до сих пор определяющее административное, территориальное и до известной степени национальное устройство Франции. Такой «якобинский» подход к государству означает полную централизацию управления с максимальным сосредоточением власти в Париже, отсутствие административно-территориального деления по национальному признаку, соединение понятия подданства с понятием национальности. Любой гражданин Франции считается по национальности французом, а не представителем того или иного этноса.

Долгие усилия жестко централизованного государства привели к повальной «франкизации» национальных меньшинств, самобытность и культурно-лингвистические особенности которых никогда не признавались. Повсеместно — в администрации, школе, церкви, военных структурах — господствует французский язык. Жертвой подобной ассимиляционной политики стал и французский департамент Корсика.

Значит ли все это, что проблемы национальных меньшинств во Франции исчезли? Вовсе нет. Особенно остро эти проблемы в наши дни проявились

именно на Корсике, что объясняется совокупностью многих факторов — географических, историко-культурных, этнических, демографических и, конечно, экономических. Достаточно сказать, что указанный регион долго оставался самым бедным во Франции — доход на душу населения в послевоенные годы был здесь примерно на треть ниже среднего по стране.

Террористические акты в начале 1991 года (взрывы принадлежащей «чужакам» собственности) возродили, особенно в Париже, забытые кошмары и страх, что корсиканский знак «R» станет таким же зловещим символом насилия, как «IRA» в Ольстере и «ETA» в Стране Басков, что развитие событий на острове пойдет по сицилийскому образцу. Именно по такому образцу — ибо на Корсике активизация сепаратистского движения отнюдь не отменила старого закона кланов, по которому продолжают жить мафиозные структуры. Здесь законы клана в полной мере проявляют себя в таких вопросах, как землепользование, крестьянская жизнь, собственность, кровная месть за нанесенное оскорбление. Клановое мышление, «нормальная» преступность, насилие как метод борьбы за свои права слились на Корсике воедино, создав в итоге «горючую смесь».

Стремясь смягчить остроту «корсиканского вопроса», французская элита

в последнее время подает сигналы о готовности к определенным подвижкам в государственном устройстве. 14 апреля 2007 года в интервью телеканалу «France 3» участник президентской кампании Оливье Безансено сообщил, что «благоприятно настроен в отношении возможности проведения институциональной реформы, которая окончательно гарантирует корсиканскому народу право на самоопределение».

В свою очередь, выступая в 1996 году по радио, Раймон Барр решительно

Остается, однако, вопрос: являются ли корсиканцы французами? Вопрос не праздный.

заявил: «Если корсиканцы хотят независимости, они ее получат!» Однако сколько-нибудь серьезного значения своему заявлению бывший премьер-министр явно не придавал, оставив в стороне накопившиеся проблемы острова.

Между тем корсиканская проблема продолжала сохранять сугубо маргинальные позиции в рамках французского политического дискурса. Хотя ни для кого не секрет: достаточно мало-мальски значительного «всплеска» корсиканской активности, и проблема острова снова станет центральной темой широких общественных дискуссий. Деятельность террористов, предвыборные манипуляции, уходящие на остров из Парижа масштабные финансовые потоки снова окажутся в центре общеполитической повестки дня.

Сегодня позиция республиканской и централистской элиты Франции по «корсиканскому вопросу» в обобщенном виде может быть сформулирована так: «Если корсиканцы хотят сохранить себя под сенью Республики, они должны внести свой вклад в установление на острове подлинной законности. То есть восстановить на Корсике правовое

государство, не ограничиваясь одними только аплодисментами и речами в честь Конституции и нации. У корсиканцев нет другого выхода из существующего положения, помимо интеграции во французское общество»¹.

Остается, однако, вопрос: являются ли корсиканцы французами? Вопрос не праздный — он в стране, и особенно на самой Корсике, всегда стоял довольно остро. Напомним, что географически остров находится от Франции дальше, чем от Италии (170 и 83 километра соответственно).

С античных времен Корсика входила в сферу влияния различных средиземноморских держав: Этрурии, Великой Греции, Карфагена, Рима, Пизы, Арагона, Генуи и, наконец, Франции. В 1769 году остров на пятнадцать лет оказался под властью французской короны. Аплодисменты со стороны «просвещенного» общественного мнения в отношении Корсики были вызваны тем, что корсиканские города постепенно изменяли свои названия на европейский манер (Корсика вместо Корсикана), а родившиеся в этих краях герои проявляли себя на полях сражений за независимость будущих Соединенных Штатов (например, Паскаль Паоли).

В XVIII веке на острове началась война за независимость. Сначала была провозглашена монархия, затем — республика. Национальный лидер Паоли считал, что Корсика слишком мала, чтобы оставаться независимой. Поэтому, когда Франция выкупила остров у Генуи (1768 год), а затем предоставила корсиканцам те же права, что и жителям континентальной Франции (1789 год), Паоли отступил.

Однако уже в 1794 году остров восстал против режима монпаньяров и передал себя в руки Англии. В 1796 году, после крушения конституционной мо-

¹ A. Albertini. Faut-il abandonner la Corse? Paris, 2008. P. 11.

нархии в Париже, при активном участии итальянской армии, руководимой самим Бонапартом, Корсика была завоевана и снова стала французской.

Если считать всех родившихся на острове (или тех, у кого там родился отец), общее число корсиканцев составляет 400 тысяч человек. Две трети из них живут вне Корсики. Лишь 72 процента населения — коренные жители, остальные — иммигранты из Алжира и других бывших французских колоний или иностранные рабочие (на Корсике насчитывается 13 процентов — самая высокая цифра во Франции). Корсиканцы постепенно утрачивают свою «чистокровность», 82 процента из них заключают браки с жителями континентальной части страны. Карьеру они делают во Франции беспрепятственно и в самых различных сферах, особенно на государственной службе².

В то же время существует огромное количество фактов, подтверждающих значительное отличие Корсики от остальной Франции. В целом отношения между континентальной Францией и островом можно охарактеризовать как «интеграцию без ассимиляции». К началу нынешнего столетия манеры, особенности поведения и сама логика островитян-корсиканцев по-прежнему заметно отличаются от образа жизни, утвердившегося в континентальной Франции. В сравнении с Лотарингией и Франш-Конте (и еще раньше — Савойей), которые стали французскими в том же XVIII веке, Корсика сохранила практически все характерные для нее отличия.

Присутствие французского государства на Корсике характеризуется явным бессилием перед местными обычаями, которые многочисленным путешественникам или функционерам представляются экзотическими. В начале XIX века, в период Реставрации, комиссар Констан отмечал: «Иностранец, попавший сюда, неизменно спрашивал, где он находится — во Франции или в

Африке, и могут ли законы, активно применяемые одной из наиболее цивилизованных наций, подойти к агрессивным нравам народа, живущего в горах в соответствии со своими обычаями».

Своими действиями французская администрация нередко ставила под сомнение способность управлять такими сложными территориальными сообществами, как Корсика. Она оказалась неспособной остановить насилие и произвол со стороны кланов, обеспечить полноценное действие на острове французских законов.

Среди аргументов, наиболее часто выдвигаемых с целью обоснования необходимости разрыва между Корсикой и континентальной Францией, фигурирует утверждение о «неподъемности» для национального бюджета финансовых средств, выделяемых на поддержку острову.

По словам корсиканского экономиста Шарля Веллутини, «в XIX веке развернулись весьма оживленные дебаты о “цене” острова — тема, которая еще полностью не ушла с современной политической сцены». В начале XX века «тигр Клемансо» предлагал продать Корсику «любому желающему» за один «символический» франк. Публикуя посвященную этому вопросу статью под заголовком «Весомые подарки нашим корсиканским друзьям», журнал «Капитал» замечал: «Они платят меньше податей, меньше налогов и в изобилии получают бюджетные субвенции»³.

Подобные суждения порождают мифы о полутора миллиардах помощи, ежегодно направляемых государством «острову Красоты». Такие цифры, периодически появляющиеся в СМИ для демонстрации «чрезвычайно высокой» цены Корсики, не подкрепляются реальными данными. В 2003 году, например, совокупная сумма финансовой помощи Республики острову действительно составила 1,525 миллиарда евро. Эта сумма, однако, представляла

² См. «Panorama». 20.01.1992.

³ «Capital». 2006. Juin. P. 14.

собой совокупные публичные расходы островной провинции, которую составили также европейские субвенции, расходы государства и другие статьи. Субвенции же Корсике собственно Республики равнялись 402 миллионам евро — не более четверти от суммы публичных расходов.

Аналогична ситуация со «Специальной инвестиционной программой», включенной в качестве статьи 53 в закон от 22 января 2002 года. Она предполагала направление 2,15 миллиарда евро на Корсику в течение пятнадцати лет с целью преодоления отсталости в области развития инфраструктуры и логистики. Эта сумма неоднократно приводилась во французской печати с целью подчеркнуть «непомерную цену» острова для налогоплательщиков. При этом почему-то игнорировался тот факт, что треть итоговой суммы (700 миллионов евро) формируется за счет бюджетов территориальных органов Корсики — наиболее скромных по своим возможностям во всей Франции.

Так ли на самом деле тяжела и неподъемна «корсиканская ноша» для Республики? В период с 1993-го по 1996 год остров действительно пережил период длительного экономического спада, который стал следствием его чрезмерной зависимости от индустрии туризма, усугубленной девальвацией итальянской лиры. Социальные последствия этого кризиса были очень тяжелыми. Упали доходы домохозяйств, безработица увеличилась с 9 до 16 процентов, на 5 процентов превысив общенациональный показатель. Но главный источник переживаемых Корсикой трудностей находился все же в политической плоскости.

В результате нерешенности ключевых проблем развития на Корсике в наши дни активизировалось движение за автономию, использующее насильственные методы. Из каждых 100 корсиканцев в начале 1980-х годов десять высказывались за автономию, двое — требовали полной независимости.

Предыстория движения за самоопределение

Возникновение движения за самоопределение Корсики неразрывно связано с историческими особенностями ее присоединения к Франции. Купив остров подобно тому, как приобретают стадо баранов, Франция стала в XVIII веке его юридическим собственником. 15 мая 1768 года в Версале был подписан договор, согласно которому Генуэзская республика уступала остров на десять лет за годовую ренту в 200 тысяч ливров. Однако, чтобы управлять им, Франции предстояло сначала умиротворить его жителей. Проблема состояла в том, что Корсика к этому моменту уже де-факто являлась... независимой.

С 1755 года ее генерал-губернатором стал уже упоминавшийся Паскаль Паоли — один из наиболее блестящих умов своего времени. Приветствуемый просвещенной Европой, он превратил Корсику в своеобразную лабораторию для политических инноваций: официально была провозглашена свобода совести, а Конституция формально утверждала принцип разделения властей. В 1770 году Паоли основал университет, бесплатный и открытый для всех желающих. Он пытался всячески развивать остров, осушая болота, возводя мосты и дороги, построив для нужд торговли новый морской порт (Лиле-Руссе). Корсика, уже сложившаяся к этому моменту как национальное государство, имела собственные знамя и гимн, чеканила свою монету. Однако к началу мая 1769 года она перестала существовать как самостоятельное политическое целое: в результате нескольких лет боевых действий милицейские формирования Паоли потерпели поражение от армии Людовика XV в битве при Понте Нову.

В итоге политической самостоятельности Корсики был положен конец. Окончательно ее присоединение к Франции было утверждено лишь 20 лет спустя, в 1789 году. Все это время на острове продолжали тлеть очаги сопротивления. И первые контакты населе-

ния с «пришельцами», «врагами» никак не сулили последним теплого приема. Проявлявшаяся в соответствии с нравами эпохи свирепость комиссаров французских монархов по отношению к населению острова неизбежно вызвала ожесточенное сопротивление оккупантам. Используемые при этом карательные средства против инсургентов были вполне традиционными для того времени. Было приостановлено правосудие, множились коллективные казни «бандитов» — в действительности остававшихся верными идеалам Паоли корсиканских патриотов. Жертвами террора становились семьи повстанцев, их жены и дети. В 1770 году один из главных «усмирителей» Корсики граф Марбеф требовал, чтобы все «бандиты», взявшие в руки оружие, были «повешены на первом же дереве без всякого суда».

Однако миссия французов на острове не сводилась только к беспощадному террору. Стимулы для развития получило сельское хозяйство, орошались земли, строились дороги. Но в памяти народа запечатлелись жестокие действия французских властей. В сознании корсиканцев надолго сохранился образ Франции как «свирепой силы».

Рассматривая остров как обычную колонию, Париж видел в корсиканцах просто «враждебную нацию». Даже Наполеон, «первый корсиканец во власти», направлял на остров ревностных функционеров, которые установили режим тотального террора, всячески поддерживая массовые депортации и расправы без суда над корсиканцами. В период Реставрации для корсиканских товаров были установлены невероятно высокие таможенные пошлины (а для импортируемых на остров товаров, наоборот — низкие), что наносило колоссальный ущерб местной коммерции. Подобные меры, остававшиеся в силе до 1912 года, буквально задушили корсиканскую торговлю и ремесла.

При этом Франция упорно игнорировала любые корсиканские жалобы и акции протеста, не забывая, однако, использовать остров как «электоральную

площадку» на общенациональных выборах. Для этого партийные лидеры из Парижа вступали в сговор с местными нотаблями и выборными функционерами, которые, пуская в ход свое персональное влияние, обеспечивали голоса корсиканцев в пользу ангажировавших их политических сил. В результате на острове утвердился клиентарный и закрытый тип власти, игнорировавший публичные механизмы и базовые принципы Республики⁴.

Сама же Франция продолжала эксплуатировать остров в квазиколониальном стиле. Так, в период Первой мировой войны многие тысячи молодых корсиканцев, едва говоривших по-французски, были мобилизованы во французскую армию и использовались в самых жестоких сражениях. Многие из них сложили там свои головы. Это не помешало корсиканцам собрать в 1916 году на нужды армии 5 миллионов франков — больше, чем какой-либо другой французский регион.

Есть в истории Корсики еще один яркий факт, упорно игнорируемый официальной французской историографией. В 1943 году первым среди всех французских департаментов остров провозгласил свободу от режима Виши. Еще 4 декабря 1938 года корсиканцы единодушно провозгласили свое присоединение к Франции, произнеся знаменитую «клятву Бастии»: «Перед лицом всего мира, всей нашей душой, перед лицом нашей славы, наших могил, наших колыбелей. Мы клянемся жить и умереть французами». Это было тогда преобладающим настроением корсиканцев в противовес небольшой группе своих соотечественников, продолжавших вдохновляться ирредентистскими идеями.

Однако Республика не ответила корсиканцам взаимностью. В начале 1950-х годов на острове стали один за другим закрываться заводы, цены на продукты и товары первой необходимости явно превышали покупательную

⁴ См. P. Taffani. *Le Clienteles politiques en France*. Paris, 2003. P. 25—70.

способность большинства корсиканцев, дорожная сеть так и не претерпела никаких изменений со времен Наполеона III. Население Корсики сократилось с 237 тысяч человек в 1936 году до 160 тысяч в 1950-х годах.

Правда, некоторые перемены все же происходили. Два века спустя после покорения остров наконец привлек внимание Республики. В 1949 году публичке впервые был представлен план развития Корсики, требовавший, однако, значительной доработки. И лишь 2 апреля 1957 года была принята специализированная программа регионального развития. Она предполагала качественный подъем аграрного сектора, развитие транспорта и делала особый акцент на развитие туристической индустрии. Однако деятельность государственного агентства, призванного способствовать реализации этих начинаний, никак нельзя было назвать успешной.

Между тем продолжалась дискриминация корсиканцев в сфере языка. Принятый в 1951 году закон Деиксонне исключал преподавание корсиканского в школьных классах, рассматривая его в качестве «иностранного языка». Добиться официального возвращения корсиканского языка в систему образования удалось лишь в 1974 году.

Подобная политика дискриминации не могла не вызвать соответствующей реакции населения. Манифестации с подачей петиций, митинги с предостережениями в адрес правительства, другие проявления недовольства накаляли обстановку. 11 марта 1960 года Корсика была охвачена всеобщей забастовкой, в ходе которой коммерсанты и чиновники закрыли свои офисы, чтобы выразить протест против закрытия железнодорожной ветки Бастиа—Аяччо, жизненно важной для острова. Забастовка проходила под лозунгом «Корсика говорит правительству: сдержите свои обещания. Мы не хотим ничего другого!». В ходе очередной поездки на остров генералу де Голлю пришлось публично заявить об отмене прави-

тельствственного решения. И Корсика сохранила свою железную дорогу.

Однако, несмотря на вынужденные уступки Парижа, корсиканцы в начале 1960-х годов все еще жили под грузом накопившихся нерешенных проблем. Между тем причины для недовольства продолжали накапливаться. Экономика не развивалась, а средняя зарплата оставалась ниже, чем на континенте. Более того, в апреле 1960 года правительство приняло решение о создании на острове экспериментальной подземной ядерной базы, что грозило непредсказуемыми последствиями для экологии. И лишь массовые акции протеста заставили парижские власти откатиться от этого решения.

В результате создания во Франции в 1964 году 21 экономического региона Корсика была механически присоединена к региону Прованс—Лазурный Берег, что не принесло ей никаких реальных экономических выгод.

В начале 1970-х лидеры корсиканского движения перешли на автономистские позиции. Скольжение корсиканского общества в указанном направлении — в значительной мере результат того запоздалого шока, который был вызван вторжением темпов XX века в замедленный ритм жизни на острове. Вслед за войной пришло обнищание, началась массовая эмиграция. Однако вопрос об обособлении почти не ставился — настолько силен был республиканский патриотизм корсиканцев, тем более что патриархальные структуры островного сообщества под сомнение не ставились.

Даже наиболее радикально настроенные корсиканцы в начале 1960-х годов оставались всего лишь регионалистами. В конце 1967 года была создана партия «Корсиканское автономистское действие» (Action regionaliste corse) во главе с братьями Симеоне, двумя медиками из Бастии, целью которых была пропаганда идей регионализма и призывы к населению Корсики бороться за автономию. Однако в 1971 году, после обнародования программы организации, правительство

Франции разработало сценарий противодействия регионалистам, который предполагал «ускорить размывание корсиканской культурной идентичности» и «обеспечить быстрыми темпами преобладание на острове некорсиканского населения». В ответ на это активисты автономистского движения обнародовали 7 января 1973 года заявление, которое обвиняло правительство Франции в том, что оно «стремится разрушить корсиканский народ, подавляя его всеми возможными средствами». Ответом на действия Парижа стали ненасильственные акции гражданского неповиновения. Французское государство реагировало на эти проявления репрессивными акциями против «мятежников». Начался новый период в новейшей истории Корсики — период пепла и крови. Тем самым французское государство открыло «ящик Пандоры» корсиканского политического насилия, дав сторонникам независимости мощнейшие политические козыри и аргументы.

5 мая 1976 года радикальные сепаратисты из Фронта национального освобождения Корсики (ФНОК) весьма ярко отметили свое появление на европейской сцене вооруженного насилия. В 1978 году ФНОК атаковал радар на базе ВВС в Солензаре. В 1981 году боевики Фронта заложили взрывчатку в аэропорту Аяччо, жертвой которой стал один турист.

Как показал, однако, опыт, все последующие покушения и убийства так и не побудили французское правительство наладить на острове надлежащее управление и восстановить там торжество общепризнанных законов.

Попытки конструктивного решения «корсиканского вопроса»

С тех пор как остров был присоединен к Франции, он так по-настоящему и не нашел своего места в ее национальной системе. Республика действовала здесь не лучше монархических режимов — центр всегда проявлял колебания в выборе политического статуса для

Корсики и фактически мирился с ее экономическим отставанием. Официальная Франция не знала, какую из двух линий принять: просто распространить на Корсику все французские законы или же искать для нее какой-то особый подход?

Сменявшие друг друга в Париже правительства, не способные сделать принципиальный выбор, поддавались искушению не вмешиваться в ход жизни на острове. И лишь очередной взрыв насилия заставлял их действовать, в первую очередь увеличивая поток субсидий и дотаций, дабы купить спокойствие корсиканцев. Но механическое соединение этих двух подходов — политического и экономического невмешательства и финансового «орошения» — все больше и больше усугубляло нездоровую ситуацию. Жители острова теряли последнее уважение к Французской Республике. Ее все больше рассматривали как «корову», которую можно бесконечно доить.

Чтобы понять суть корсиканской проблемы, следует учитывать особенности менталитета корсиканцев. Прежде всего, они гордятся тем, что являются корсиканцами. Это умонастроение рождает уверенность в том, что принадлежность Корсики к Франции — удача в первую очередь для самой Франции, а вовсе не наоборот. Во-вторых, корсиканцы в большинстве своем привязаны к родной земле сильнее, чем, быть может, жители других регионов Франции. У корсиканцев всегда сохраняется убеждение, что они составляют «корсиканский народ», хотя многим людям на континенте это представляется в лучшем случае удивительным, в худшем — несоразмерным с реальностью⁵. И наконец, трагическая и беспокойная история острова сформировала сложное, закрытое, жесткое, не чуждающееся насилия общество, вместе с тем очень чувствительное к любой несправедливости.

⁵ См. И. Коваленко. Остров белых Варфоломеевских ночей. Французы видят нечто общее между Корсикой и Чечней. — «Известия». 25.07.1995.

Государство запоздало пыталось реагировать на активность сторонников независимости, используя как «кнут», так и «пряник». 12 декабря 1974 года была создана специальная межминистерская комиссия для решения проблем острова, однако ее работа не принесла заметных результатов. Органы юстиции в течение 1970—1980-х годов провели ряд показательных политических процессов над арестованными активистами ФНОК. На приговоры их к значительным срокам заключения корсиканские индипендантисты ответили еще более интенсивными бомбовыми атаками.

Усталость от беспрецедентного террора, все более явно ощущавшаяся жителями Корсики, привела, однако, к тому, что на сцену стали выходить политические организации, предпочитавшие бороться за самоопределение острова мирными средствами. К их числу относилось образовавшееся в 1980 году Корсиканское движение за самоопределение, которое сумело организовать целый ряд манифестаций и других публичных акций протеста. Свообразным пиком террористического движения, оттолкнувшим от ФНОК немалое число жителей Корсики, стало убийство префекта острова Франсуа Эриньяка. В этой ситуации многое зависело от действий французского правительства, которое все предшествующие годы оставляло «корсиканскую проблему» в запущенном состоянии.

В 1984 году социалист Пьер Жокс сменил социалиста Гастона Деффера на посту министра внутренних дел. Ему понадобилось около двух лет, чтобы разобраться во всех сложностях корсиканской проблемы и осознать, насколько трудны пути ее разрешения. После переизбрания на президентский пост в 1988 году Франсуа Миттерана Жокс отправился на Корсику, а затем, заручившись поддержкой президента, выступил с призывом «проявить чуткость» в отношении корсиканской проблемы.

Ключевым положением в программе Жокса стало определение «корсикан-

ский народ», из-за которого вспыхнула острая полемика. Французам, сторонникам централизованной системы, это признание самобытности показалось недопустимой уступкой: а почему в таком случае нет понятий «бретонский народ», «эльзасский народ» и т. д.?

В конце концов программа была спущена на тормозах, одновременно оказалось сорванным и перемирие с сепаратистами. Рано утром 12 сентября 1990 года жителей Бастии разбудили взрывы бомб, подложенных к зданиям четырех банков. За этим последовали еще два взрыва пластиковых бомб. Так снова проявил себя ФНОК. Постепенно цели его становились все более конкретными — борьба против «колонизации» острова, в первую очередь — туристической индустрии. Это и понятно: каждое лето сюда приезжают на отдых 1,5 миллиона человек. Туризм стал основным источником доходов и развития для Корсики.

На фоне обострения ситуации в Париже своим чередом шли политические баталии вокруг предложенной Жоксом программы предоставления Корсике более широкой автономии. Проходили они в условиях непонимания большинством французов требований корсиканцев. Вот как объяснил причину этого автор книги «Корсиканский комплекс» Г.-К. Кулиоли, сам корсиканец: «Существует глубокое культурное различие между областями Севера и средиземноморскими районами страны. Во Франции еще с эпохи крестовых походов возобладала культура Севера. К тому же это единственная европейская страна с очень централизованной системой, ее политические деятели никогда не понимали стремления к автономии»⁶.

Процесс обретения Корсикой автономного статуса занял немало времени (октябрь 1989-го — май 1991 года),

⁶ *Цит. по: Е. Висенс.* Насилие завоевывает остров Красоты. Таким образом националисты пытаются компенсировать политические неудачи. — «Сегодня». 02.09.1995.

ибо натолкнулся на ряд конституционных проблем. Впервые часть территории метрополии должна была получить специфические институты, даже специфическое право.

Создавая новую территориальную административную единицу, Жокс ссылался на статью 72 Конституции, разрешающую образование такой единицы, и руководствовался примером Французской Полинезии. Речь шла об автономии в рамках республики, это позволяло обойти препятствие, каким стала бы необходимость обосновать введение особых правил в «обычном» регионе. С другой стороны, подчеркивалась цель правительственного проекта — дать будущим корсиканским автономным институтам средства и рычаги для того, чтобы помочь развитию экономики острова, на которой неблагоприятно сказываются его географическое положение и демографический спад.

При разработке документа развернулась напряженная борьба крайних точек зрения вокруг условий «территориальной связи», то есть льготных тарифов морского и воздушного транспорта, связывающего остров с континентом.

Правительственный проект для Корсики поднял вопрос, который всегда был предметом спора между «якобинцами»-централистами и «жирондистами»-федералистами: допускает ли провозглашаемый в статье 2 Конституции принцип неделимости республики, чтобы какая-либо часть территории метрополии располагала специфическими институтами?

Важную роль в разрешении спора сыграл Конституционный совет — государственный орган, контролирующий соответствие проектов законодательной власти конституционным нормам. Совет заявил, что простое упоминание в законе о «корсиканском народе» противоречило бы Конституции, согласно которой население республики представляет собой единый французский народ.

В итоге эта статья была одобрена (309 голосами, в основном социалистов

и коммунистов, против 263-х) в следующей формулировке: «Французская Республика гарантирует корсиканскому народу — составной части французского народа — право на сохранение его культурных особенностей и на защиту его специфических социальных и экономических интересов, если они не наносят ущерба национальному единству и целостности Франции».

Так, в 1991 году Корсика становится новым территориальным образованием. Исполнительная и законодательная власти (Исполнительный Совет и Собрание) здесь четко разделены: если представители первой власти избираются в представительные учреждения, они не могут оставаться в исполнительных структурах. Исполнительная власть обладает правом приостанавливать действие актов Собрания, продолжительность его сессий строго ограничивается. Собрание может отправлять в отставку Совет лишь при условии, что тут же изберет взамен его новый состав. Однако у председателя Совета нет права распускать Собрание. Данное право принадлежит лишь французскому правительству, которое в свою очередь может воспользоваться им лишь в том случае, если «нормальное функционирование Собрания представляется невозможным». Таким образом, единственной гарантией стабильности власти в автономии может быть прочное большинство в составе Собрания.

Закон 1991 года обязывает центральные учреждения страны консультироваться с Собранием по всем вопросам, касающимся «специфического устройства» Корсики, оговаривает ее «культурную идентичность».

Новый статус Корсики не идет ни в какое сравнение со статусом традиционных регионов Франции. Он соизмерим только с тем, каким располагает после принятия соответствующего закона (1984 год) Французская Полинезия. Однако между ними есть существенное различие. Заморская территория в Тихом океане обладает всеми полномочиями, за исключением тех,

которые ограничительно резервируются за французским государством. На Корсике же ситуация прямо противоположная: здесь территориальная власть располагает полномочиями лишь в тех конкретных вопросах, которые закон передает ей. Все другие остались в компетенции Парижа. В то же время полномочия, переданные Корсике в результате двух этапов «административной централизации» (1983 и 2004 годов), привели к усложнению системы управления островом и усилению бюрократизации, оставив вопрос о «гражданском мире» в подвешенном состоянии⁷.

Сама по себе автономия Корсики не может решить стоящих перед ней проблем. Она лишь создает новые возможности для модернизации ее экономики, обновления политической культуры ее жителей, формирования демократически ориентированной и социально ответственной местной политической элиты. Будут ли эти возможности реализованы? Это зависит от расклада политических сил во Франции, где либералы, выступающие за широкие рыночные свободы, противостоят консерваторам — «государственникам», сторонникам традиционно сильной централизованной власти. В конечном счете все зависит от зрелости политических сил на самом острове.

На какое-то время после учреждения автономии на острове насилие там прекратилось. Но затем доступ к рычагам власти и ее кормушкам привел к разброду в рядах националистов. Их движение ныне грешит мафиозным уклоном, законы на острове постоянно попираются. Вкладываемые в корсиканскую экономику государственные средства используются во мно-

гих случаях неэффективно и часто просто разворовываются. На Корсике вновь льется кровь. С начала 1995 года в столкновениях между корсиканскими националистами разного толка погибло уже более десятка человек, среди них — несколько руководителей соперничающих организаций.

Таким образом, корсиканский сепаратизм является по своей сути контрмодернизационным и традиционалистским явлением, порожденным тем, что Франция, вместо распространения на остров своих ценностей и установок, продолжала эксплуатировать его как колонию, сохранив к своей выгоде традиционные клиентарные структуры власти и отношения. При этом очевидно, что, в отличие от многих современных регионов Европы, Корсика не в состоянии модернизировать свою экономику и интегрироваться в европейское пространство, минуя Францию.

Корсиканский сепаратизм (индепендантизм), в отличие от действительно массового движения за административную, политическую и этноязыковую автономию, не имеет прочных перспектив и корней в корсиканском обществе. У национал-радикалов сепаратистского толка отсутствуют как реалистическая и конструктивная социально-экономическая программа, так и сам план построения полноценного корсиканского государства. Именно поэтому национал-радикалы и индепендантисты не оказывают сегодня существенного влияния на политическую жизнь острова.

Решение «корсиканской проблемы» видится в нахождении механизмов реинтеграции Корсики в единое политическое, правовое, культурное и социально-экономическое пространство Французской Республики при уважении к национально-региональной специфике острова. ◆

⁷ См. W. Dressler. La Corse en question(s). Questions de territoires, de pouvoir et d'identité. — «Le Territoire entre l'Europe et l'Etat-Nation». Rennes, 2006. P. 111.